

К Р О К О Д И Л

Рис. К. Елисеева

САРАНЧА—ВРЕДИТЕЛЬ ПОЛЕЙ

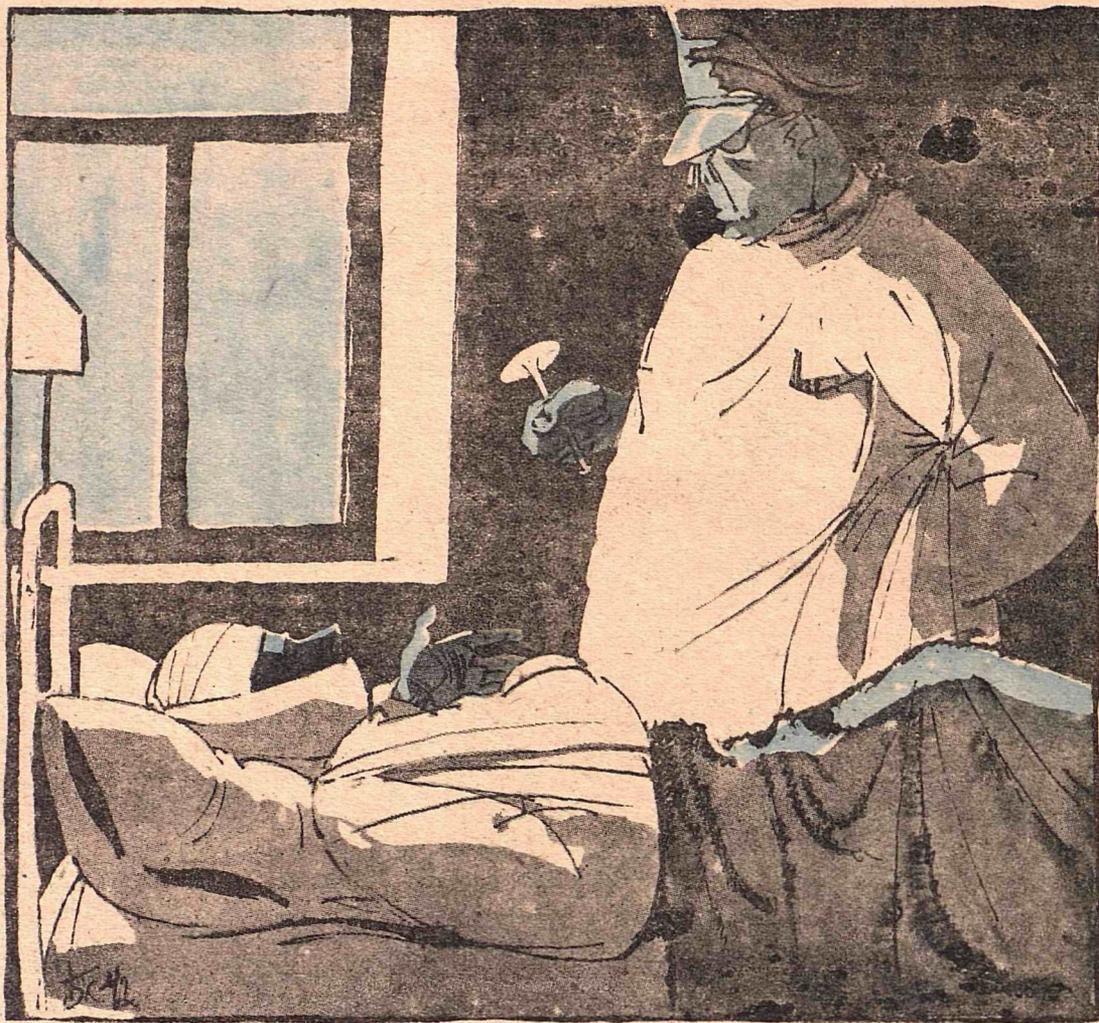
На некоторые наши поля вторглась саранча. Это «саранча фашистика».

«Саранча фашистика» относится к числу наиболее злопакостных вредителей.

Меры борьбы с этой саранчой обычные, то есть раздавливание, ожигание. Орудия, минометы, пулеметы, автоматы, сабля и штык — вот наилучшие средства против вредителя русских полей.

Эффективным способом является также опыливание с самолетов, причем для опыливания следует применять не обычный ядовитый порошок, а фугасы всех калибров.

А вообще — чем можешь и умеешь, истребляй поганую фашистскую саранчу!

ДОКТОР: — Потерпите, Шульц: когда уральская продукция будет в наших руках, все будет хорошо!

РАНЕННЫЙ: — Допустим, что так! Только раньше извлеките эту уральскую продукцию из моей руки.

Простые советы ✓

Дабы человека не мучал клоп,
один — его просто подошвой хлоп!
Другой — глушит скипидаром,
а третий — горячим паром.
Была б голова от вшей чиста —
моют ребячье темя,
даже из внутренностей глиста
гонит цитварное семя.
Но насекомые всех родов —
ангелы перед немцем!
Кто ж перед немцем дрожать готов!
Выкурить, что ли, нечем!
Что немец сам побежит, —
не мни!
Это на них непохоже.
Утеха немца — кромсать ремни
из человеческой кожи.
Из окон на камни — швырять ребят!
Сбросит — и с «клейкой» свесится.

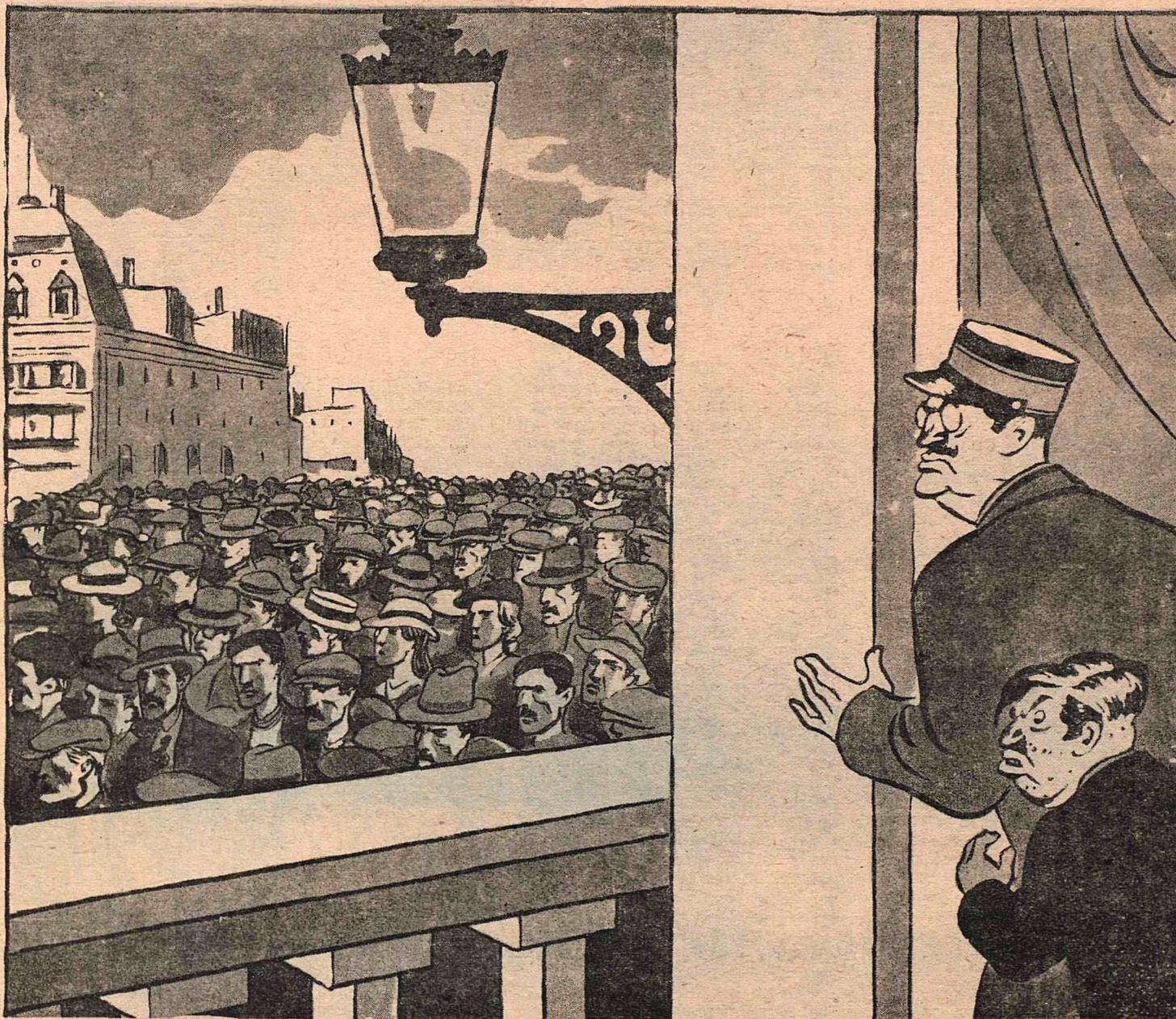
Помни: эсэсовцы нас истребят,
если не мы — эсэсовцев.
Если семья тебе дорога, —
думай о том, как морить врага.
Способов много, лучшие
сам применяй при случае.
Способ — проще простого:
русский трехгранный штык.
Встретил врага у Ростова —
зсаживай под кадык.
Фриц на штыке покорчится
и безусловно кончится.
Граната. Фонтан осколков.
Брось, разъярен и смел.
Сколько осколков, столько
мертвых немецких тел.
Немец ворвался в казачий дом
к миске оладьев тепленьких —

песком набивай его горло,
Дон!
Сдохни на дне, утопленник!
Я тоже любитель стихов-острот,
сам этим делом занят,
но лучше, когда врага достает
сабля партизаня!
Выведи с поля, горячая смесь,
танков серые пятна!
Лучшая песня сегодня:
«Смерть немецким оккупантам!»
Пусть пулеметы немцев метут
неумолимо и чисто!
Высшая почесть — иметь на счету
убитого фашиста.
Уничтожай, как тифозную вошь,
немца, тупого и хитрого,
уничтожай, и ты доживешь
до расстрела Адольфа Гитлера!

СЕМЕН КИРСАНОВ

В Виши в день национального праздника 14 июля несколько сот демонстрантов молча прошли мимо памятника Республики.

Рис. Бор. Ефимова

— Посмотрите, мсье, толпа, кажется, молчит «долой Лавалья»

Как выехать из Парижа ✓

ЧЕМ только гитлеровцам не приходится заниматься во Франции! И борьбой с недовольством среди населения. И борьбой с саботажниками. И борьбой с участниками борьбы против фашистских оккупантов. И даже борьбой с бюрократизмом. Не жизнь, а сплошная борьба.

Зря недовольны французы, ари! Скажем, пожелает кто-нибудь из них покинуть Париж — и сразу должен человек столкнуться с бюрократическими рогаками. Пока немецкая комендантура рассмотрит твоё заявление, пока гестапо «обследует» личность просителя, пока генерал фон Штюльценбург поставит на пропуске свою комендантскую печать, — сколько воды за это время утечет?! Хорошо еще, если автор заявления после «обследования» в гестапо в состоянии стоять на ногах. А ведь бывает и так: пришел туда здоровый человек, поговорили с ним о погоде, о супруге, о детях, и потом, глядишь, его на носилках выносят. Смехота!

И для нас, вопреки интересам населения, гитлеровцы решили покончить с бюрократизмом. Как сообщает американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн», порядок установлен простой: ежели человек хочет получить про-

пуск на выезд из Парижа, ему незначит обращаться в немецкую комендантуру. Пропуск можно достать в парикмахерском салоне мсье Армана, в меховом магазине мадам Шевалье или в рядовом публичном доме. Причем процедура тут упрощена до предела: вы называете свою фамилию, кладете на стол несколько тысяч франков — и дело в шляпе.

Читатель может нам не поверить: да где это видано, чтобы фашисты шли навстречу французам?!

Правильно: трудно этому поверить. Но ведь мы недоказали главного. Борясь с бюрократизмом, немцы одновременно ликвидируют в своей среде взяточничество. Скажем, пришел гитлеровский офицер в салон мсье Армана, побрился, завился, надушился, завернул несколько десятков флаконов духов, несколько десятков коробок тудры, несколько десятков тюбиков с губной помадой и вместо денег оставляет хозяину пару бланков за подписью и печатью немецкого коменданта. Взятки он не брал, за попытку честно расплатиться, времени у кассы не запрашивал — все в порядке.

Тут выигрывают все заинтересованные лица. Француз, собирающийся выехать из Парижа, получает за каких-нибудь несколько тысяч

франков пропуск. Мсье Арман выручает стоимость забранных немцами товаров. А сам немец свободен от какого-либо подозрения во взяточничестве.

Борьба с бюрократизмом постепенно захватывает и другие стороны многообразной парижской жизни. Нужна экспортная лицензия, — пожалуйста, в любом магазине (если он только не закрыт из-за отсутствия товаров) можете ее получить. Понадобилось разрешение на бензин — обратитесь в любое кафе Монмартра. Надо переправить в неоккупированную зону Франции какой-нибудь товар — зайдите в любой дом терпимости, и там вам моментально оформят документик.

Было бы преувеличением сказать, что вышеуказанные методы борьбы с бюрократизмом и взяточничеством всегда дают положительные результаты. Нередко случается, что даже с пропуском, приобретенным в публичном доме, можно попасть в гестаповский подвал. Но, как правило, это происходит исключительно с французами. Что касается немецких офицеров, то они всегда благополучно выходят из подобных неприятностей, так как все их дела делюшки обделываются «на немецких началах».

И. ВЕРХОВЦЕВ

МЫ РАСПОЛОЖИЛИСЬ на ночлег в походной палатке. После лесной дороги, после горячего дня людей охватывала усталость. Молчали даже самые разговорчивые собеседники. И в этой тишине вдруг прозвучал веселый голос:

— А кто мне обещал бензин для закигалки?

У входа, придерживая полотнище палатки, стоял рослый командир в бурке и шапке-кубанке. Ничего необычного не было в его облике. И только странными казались на этом лице война очки, очки в щегольской золотой оправе, — такие носят люди, заботящиеся о своей внешности.

— Военврач второго ранга Шатов, — сказал, знакомясь, вошедший и повторил свою просьбу о бензине для закигалки.

Старший лейтенант, летчик, один из обитателей палатки, шоткнулся было к походной сумке но вдруг остановился и сказал:

— Бензин вам будет, но только расскажите историю с очками.

И доктор Шатов охотно рассказал следующее:

— В этих местах существует старая шуточная поговорка: «Бог создал небо и землю, а черт — Дорогобуж, Ельню и Смоленскую губернию». В Дорогобуже и Ельне мне бывать не пришлось, но смоленские леса я хорошо знаю. И особенно смоленские лесные тропы. Кроме того именно в этих лесах я пробыл девять дней в плену у проклятых фрицев. Вспоминаю об этом навеело, но конец этой истории был хороший, и потому я ее рассказываю. Наш госпиталь вывез почти всех раненых после тяжелых осенних боев. У меня на руках осталось восемь человек; все они были ранены тяжело, и двинуть их с места было невозможно. Я получил приказ остаться с моими ранеными в глухой деревушке и ждать, когда удастся вывезти нас на самолете. Однако сделать это не удалось: черт занес раннее времени в это глухое место фрицев — мотоциклистов. И мы попали в плен. Мы пережили побои, унижения, голод, гибель товарищей; однако надо сказать, что с первой минуты, как я увидел немцев, мне показалось, что им не до нас. Этим я объясняю то, что они не успели истребить нас до одного человека. Однажды утром молодой краснощекий и прыщавый обер-лейтенант зашел в наш сарай и сказал, обращаясь ко мне, знающему немецкий язык:

— Переведите им. Вчера убежали двое пленных, за это ответили головой все, кто им помогал. По же будет и с вами, если кто-нибудь убежит.

Я сказал фрицу, что здесь только тяжело раненые, они передвигаться не могут и его предупреждение можно считать лишним. Он поглядел на меня зеленоватыми злыми глазами, задумался и сказал:

— Да, но вы как будто вполне здоровы.

Я молчал: стоило ли разговаривать с таким болваном? И обер-лейтенант продолжал:

— Но вы, кажется, близоруки? — он показал на мои старенькие роговые очки.

— Очень близорук, — подтвердил я, не понимая, какое это имеет отношение к нашему разговору.

И тогда прозвощекий фриц вдруг снял с моего носа очки, изломал оправу на части и раздавил каблучком стекла. После этого он повернулся ко мне спиной и вышел.

Я стоял ошеломленный, не понимая, что произошло. Но пять минут спустя я понял, зачем ему понадобилось изломать мои очки: без очков я не видел ничего впереди себя на расстоянии десяти шагов.

Утром на девятый день плена мы услышали треск автоматов, разрывы ручных гранат, отчаянные вопли фрицев и крики «ура». Десять минут спустя я обнимал рослого конника-гвардейца. Нас освободили конногвардейцы — участники легендарного рейда в тылу врага. С этого дня я странствовал вместе с конногвардейцами, доставлял им немало хлопот своей близорукостью и развлекал их рассказом о том, как ныне покойный обер-лейтенант сломал мои очки. Но однажды на рассвете конники перехватили немецкий обоз. Чего только не было в этом обозе! Награбленный в Бельгии шокотлад, норвежские селедки, преческие сигареты и, главное, что обрадовало всех нас, — перевязочные материалы и медикаменты. В ту минуту, когда я копался во всем этом богатстве, меня окликнули. Командир эскадрона Сушкин поставил передо мной ящик. В нем были очки — множество пар очков и persino самых разнообразных фасонов и в самых разнообразных оправках — и кроме того были стекла — хорошие, цейсовские стекла.

Сушкин выбрал вот эту самую оправу, которую вы видите на мне. Это его вкус. Я взял их, чтобы не обижать лейтенанта Сушкина. Надеюсь, теперь вы понимаете, что такое очки для близорукого человека. Привет...

И военврач 2-го ранга Шатов, осторожно поправив на носу очки в золотой оправе, вышел из палатки.

Рассказ этот — сущая правда. Автор заменил только фамилию действующего лица этого рассказа.

Л. НИКУЛИН

Рис. В. Горьева

РОММЕЛЬ: — Странно, здесь рядок еще до нашего прихода.

ОПТИМИСТ ПОНЕВОЛЕ

Рис. Б. Фридкина

— Что это Мюллеру так весело?
— Хочет получить отпуск домой на похороны сына.

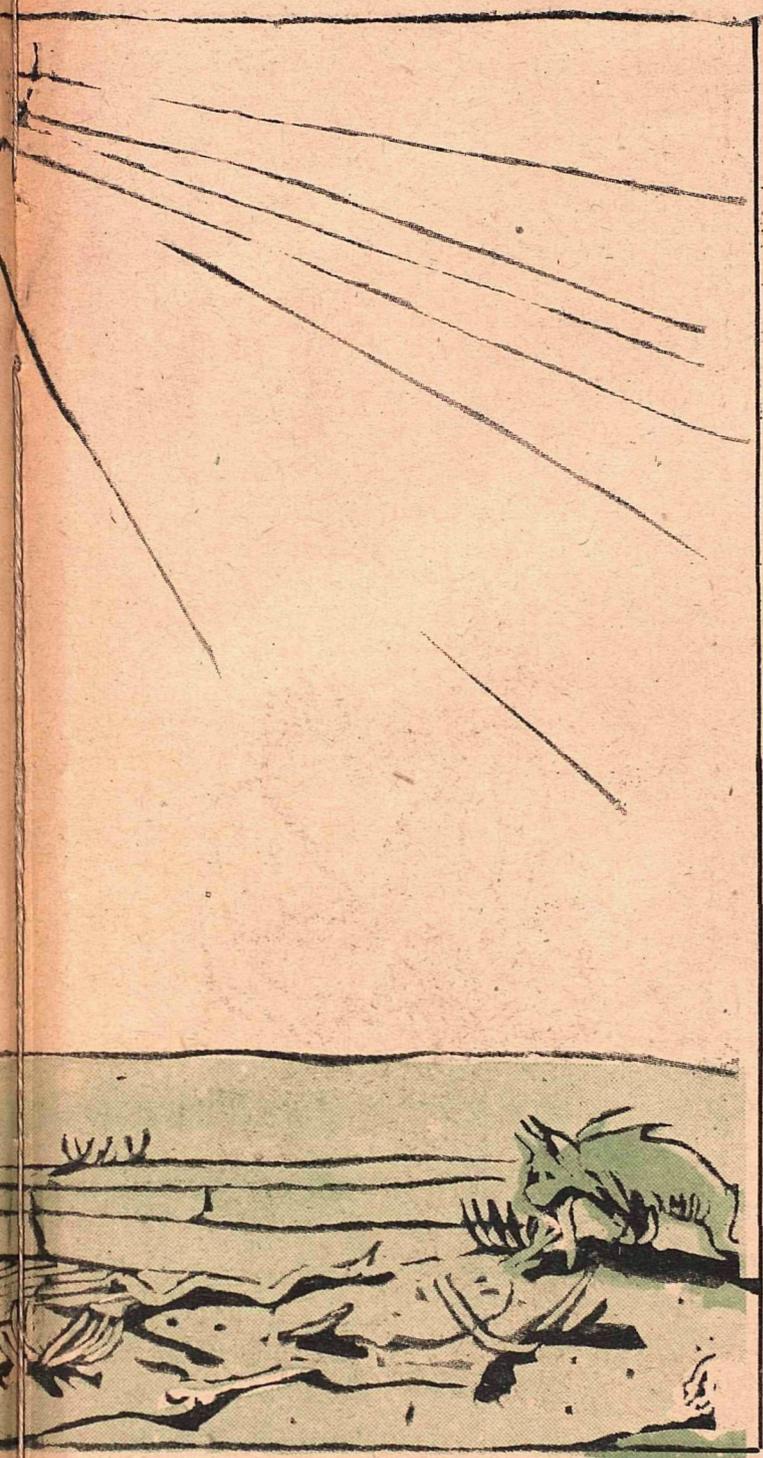
Пи

Как такое вышло, — сам не знаю. К нам на фронт пришло письмо одно. На конверте надпись: «Николаю»... «Ой, не мне ли, — думаю, — оно?»

На досуге все узнать желая, Я письмо припрятал на груди. Вдруг еще четыре Николая Говорят: «А ну-ка, погоди...» И уже не четверо, а восемь Говорят, с другими наравне: Мол, давай-ка лучше жребий бросим, Чье письмо... Оно досталось мне.

Рву конверт, и что же я читаю Под горячий орудийный лай:

«Я вас не видала и не знаю, Дорогой товарищ Николай, Но желаю вам везде и всюду

ЕСТЬ отдельные товарищи, которые с самого начала войны перестали бриться. Вот как раз и товарищ Поддраконников перестал. Но он еще больше: он перестал чистить зубы и бросил бы менять белье если бы не жена.

Жена у товарища Поддраконникова — женщина резкая и, не учитывая тонкие стенки, кричит на весь дом:

— Я себя чувствую не как в культурной комнате, а прямо как в козлыном хлеву!

— Ах, тонкий какой намек! — снисходительно и грустно улыбается товарищ Поддраконников. — Тебе бы в дипломаты идти!

Он подхватывает вышвырнутые из комода носки, рубашку и все прочее чистое и вздыхает:

— Не такое нынче время, чтоб о белье думать. Время военное, надо понимать...

Небритый и похожий на помытого ежа, приходит он на работу. Вот тут надо сказать, что он заведует магазином. До войны его магазин был не лучше, но и не хуже других: были сетки от мух, на повах имелись картонки с ценами, чтоб липкий раз продавцов не тревожить, а в зеленном отделении над грудой зеленых хвостов значилось — «силдирюшка». И не надо придирааться, потому что действительно слово «селыдерей» трудное — и не каждый обязан уметь его писать. Кстати же, и покупатель на «силдирюшку» не обижались. Зато теперь покупатели стали обижаться. Помилуйте! В других магазинах и вельень по сезону и конфеты разные. Но, главное, обидно: никакой заботы даже в лице нет. Вот это противнее всего!

Женщины, постоянные покупательницы, с утра, с самого открытия, начинают его срамить:

— Поддраконников, да ты очнись! У людей в магазины лук завозят, клубнику, когда же к нам-то?

— У других в магазинах чистота и порядок, а у тебя чего?

— Бабы, да ну его! Он свою личность — я ту образить не может. Кругом ощепивился, как кабан...

Товарищ Поддраконников снисходительно и грустно улыбается и говорит:

— Луку вам? Клубника? Ах, ах, ах! Наверное, вы не помните, какое нынче время. А время военное, надо понимать...

— Да что же у других-то в это же время все как следует? А чистоту почему навести нельзя?

— Ах, хочется вам кричать, ей богу, — выдыхает товарищ Поддраконников. — Чистоту им и всякие капризы! А время военное...

Говорят, стыд — не дым, глаза не выест. Но уж если женщины примутся кого-нибудь срамить, то и глазам не уцелеть и самого съедят. Это уж могу сказать — так точно.

Ну и съели товарища Поддраконникова. Иначе говоря, пришлось его убрать из заведующих.

Назначили на его место женщину, а Поддраконников, поскольку жил по соседству с магазином, стал заходить в него за просто, как покупатель, то за тем, то за другим и ревниво приглядывался к новой заведующей. А она в магазин навезла всяких продуктов.

«Ну, что ж, это бы и я мог, — думает Поддраконников, — только (ведь надо понимать — время военное...)»

И вдруг что же он слышит?! Покупательницы новой заведующей комплименты отпускают:

— До чего же вы расторопная! Не то, что колода — Поддраконников, тыфу! Каких вы хороших продуктов завезли! Как у вас чистенько и культурненько, и мух нет!

А заведующий отвечает... Нет, что бы вы думали, например? Ну, все-таки, — что именно?

— А как же, — говорит, — иначе? Время военное, понимать надо.

— Правильно, правильно! — кивают покупательницы. — Очень даже правильно!

— Извольте! — не утерпел Поддраконников. — Это же моя постоянная поговорка! Это же я каждый день про это самое говорил! А вы что же тогда ругались, а теперь — что?

Но никто с ним про особый тон разговаривать не стал. И правильно.

В. КАРБОВСКАЯ

ВЫРУЧКА В БОЮ

Рис. А. Баженова

...называется, существовал новый по-

С Ъ М О

Бить врага... И я убеждена,
Что встречать вас, как родного, буду
В день, когда закончится война!
Шлю привет...
А дальше подпись: «Маня»...

Ну и вот, товарищи мой,
Я письмо ее ношу в кармане
Через все атаки и бои.
И, врагу пощады не давая,
Повторяю, будто невзначай:
«Я вас не видала и не знаю,
Дорогой товарищ Николай...»

Я от старых писем независим,
Но письма такого не сомну.
Девушки,
Пишите больше писем
Всем бойцам, ушедшим на войну!

СЕРГЕЙ СМЕРНОВ

— Итого 250 марок чистой выручки! Неплохо для первого раза.

✓ Лучшая школа

КАРЬЕРА ВЗЛОМЩИКА

Рис. Г. Валька

ОБЕР-ефрейтор Фриц (фамилия неразборчива) был убит в пятницу. Уже в субботу, к вечеру, он был в преисподней.

А на том свете уйма немецких солдат. И все свои ребята, с русского фронта. Очень многие знали Фрица. Да и как не знать: вместе шли на Воронеж.

Сразу поднялся невообразимый шум. Столько приятных встреч! Все так рады. Еще бы — старый товарищ!

— Привет, старина!
— Молодец, Фриц, что пожаловал к нам.
— Мы тебя давно ждем, Фриц.
— Мы так и знали, что придешь.
— Не такой парены — Фриц, чтоб подвести товарищей.

— А где Ганс Штриккес? Он еще наверху?
— Он там долго не задержится, мы думаем.
— Все наши появятся тут. Вот будет веселье!

— А где обер-лейтенант герр Клейнер? Отправлен на Дон? Значит, и он скоро будет с нами.

— Ну как там дела, наверху? Рассказывай, дружище.

Фриц был ошеломлен этой «психической атакой». Но в то же время он был и польщен приемом, который ему оказали товарищи. Он решил не ударить лицом в грязь и показать себя бравым молодцом.

Фриц лихо мотнул головой и с гордостью сказал:

— Воюем! Наша дивизия...
— Да ведь от твоей дивизии ничего не осталось.

— Это не совсем так, — ответил Фриц. — Действительно, наша дивизия вся перебита. Но в приказе главного командования сказано, что она не перебита. А я, как солдат, обязан верить приказам начальства.

— Ах, и дурак же ты, Фриц! — выпалил какой-то коротконогий солдатик.

— Не может быть. Как представитель высшей расы...

— А кто тебе сказал, что ты высшая раса?

— Геббельс. И неоднократно. А я, как солдат, обязан верить господьну министру.

— Фриц, а подумал ли ты о том, что ты круглый идиот? — полуболезненно ефрейтор Вилли Штриккес.

— Нет, не думал. Я, как солдат, не имею права думать. За меня думает фюрер.

— Вот фюрер и загнал нас сюда, в преисподнюю. Смотри, сколько нас тут. И каждый день прибывает свежее пополнение.

— Не имею права верить таким слухам. В последнем сообщении германского информационного бюро сказано, что немецкая армия в России не имеет никаких потерь. А я, как солдат, обязан...

— Верить всякой брехне?

— Как вы смеете так говорить! Я, как солдат, обязан...

— Донести начальству? Оставь, Фриц! Здесь не донесешь. Тут мы все равны и никого не боимся. Перестань петушиться и расскажи лучше, что слышно под Воронежем.

— Русские там начали теснить нас. Но непобедимая германская армия...

— Постой, Фриц! Заткни на минутку свой фонтан. Откуда ты взял это замысловатое слово — «непобедимая»?

— Из речей фюрера. А я, как солдат, обязан...

— Все ясно. Не продолжай. Но ведь русские уже за последний год не раз били и очень крепко эту самую «непобедимую». Не помнишь, что ли?

— Как солдат, я не имею права помнить. За меня помнит фюрер.

— И русские еще нас крепко побьют. Поверь, Фриц, побьют.

— Как солдат, не имею права верить. За меня верит фюрер.

— Но, скажи, Фриц, правду. Тебе ведь хотелось жить?

— Что вы теперь со мной сделаете, господин офицер?
— Известно что: назначим бургомистром.

— Как солдат, я не имею права жить. За меня живет фюрер.

— У тебя, Фриц, осталась в Германии невеста. Неужели тебе...

— Как солдат, он не имеет права. За него фюрер...

— Все громко расхохотались. Но тут слово взял Ганс Бродлер.

— Господа! — сказал он. — Обратите внимание на этого Фрица. Это ведь не человек. Даже не одушевленный предмет. Это истукан.

— Молчи, Ганс! — сказал Курт Шнайцер. — Не надо обижать Фрица. Его и так бог обидел. Мы все, почти все, еще недавно были такими истуканами. Здесь, на том свете, мы помучились. Поживет Фриц с нами, и увидите: он исправится. Преисподняя — она лучшая школа для гитлеровского солдата. Русская пуля — прекрасная учительница...

— У русских больше нет ни одной пули, — прервал Фриц. — Так сказано в газете «Фелькишер Beobachter». А я, как солдат, обязан...
Все кинулись прочь от Фрица. Истукан, ни к кому не обращаясь, продолжал выплевывать слова. Слова падали, как билеты из автомата:

— Обязан. Верить. Всему. Что сказано. Как солдат. Не имею права. Быть убитым. Русской пулей. За меня. Будет убит. Фюрер. Хейль!

ПРАВДИВЫЕ БАСНИ НЕПОБЕДИМАЯ БРИГАДА...

В трущобе, где ютился зверь,
Бригада финская, окопы вырыл,
Четвертый месяц не несет потерь...
Читатель, этой басне верь,
Поскольку там была бригада...

дезертиров!

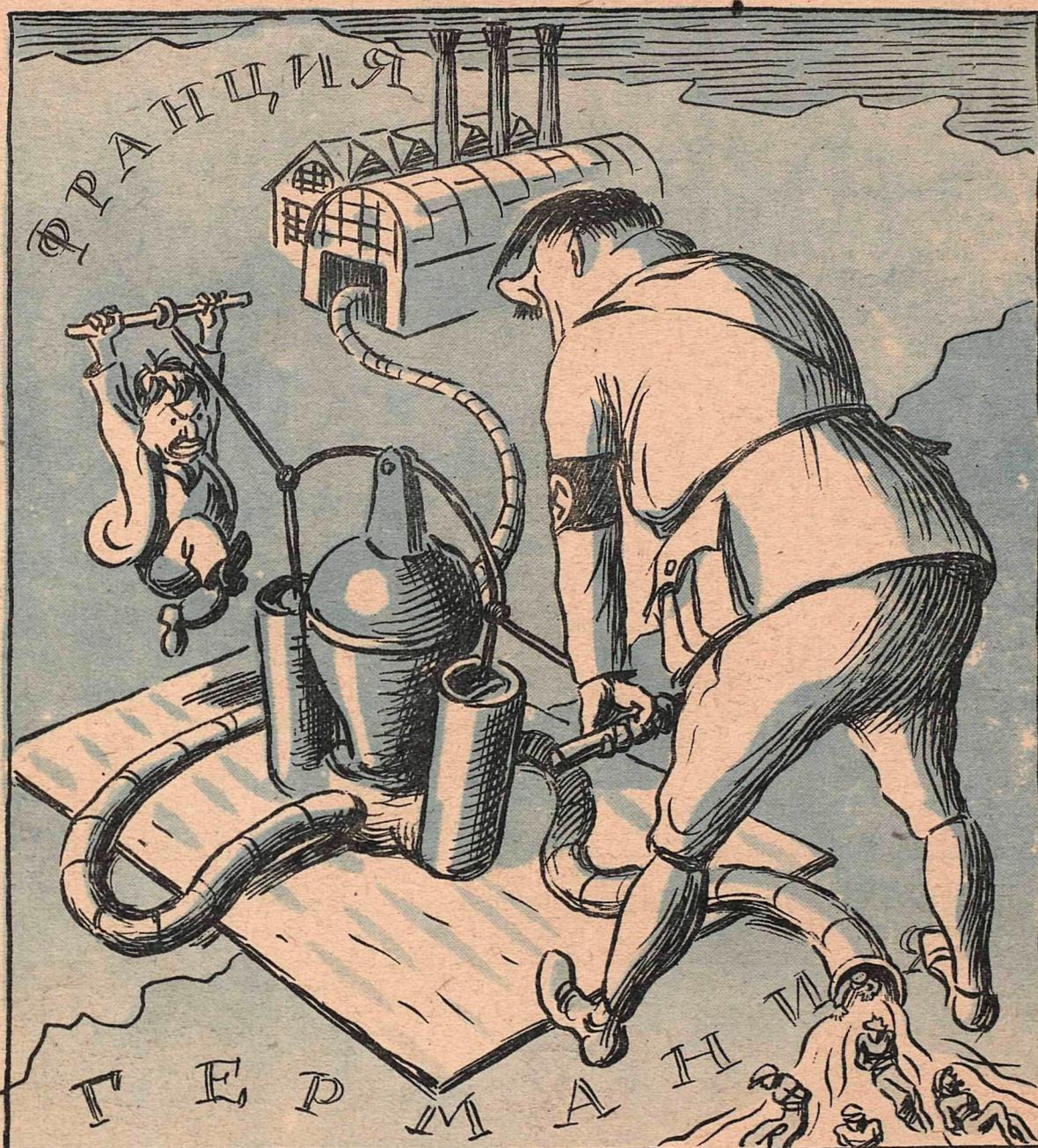
СВИНЬЯ И ФРИЦ

Свинью увидев в двух шагах,
Фриц на нее не ринулся в атаку...
Сей странный эпизод правдив, однако
Фриц зеркало держал в руках.

Г. РЫКЛИН

В. ГРАНОВ

Рис. Н. Радлова

— Качайте, качайте, господин Лавалы!
— Не беспокойтесь, господин фюрер, не подкачаю!

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ДОРОГА ЦВЕТОВ

1-й ФРИЦ: — Геббельс обещал нам, что наш путь по России будет дорогой цветов.

2-й ФРИЦ: — Так оно и оказалось. По дорогам войны разбиты наши коричневые полки, итальянские чернорукашечники и полюбившая испанская дивизия.

(«Фронтовик»)

ПОХВАЛЬНОЕ НЕЗНАНИЕ

— Вчера командир взвода спросил красноармейца Петренко, что такое промах. А тот и не знает.

— Значит, плохо учится?

— Наоборот, меткий стрелок.

(«За честь родины»)

СВЕРХМЕТКИЙ СТРЕЛОК

— Кто самый меткий стрелок в вашей роте?

— Рихтер Шнапс, господин обер-лейтенант.

— В какой кампании он отличился?

— В компании самострелов. Одним выстрелом он поразил на левой руке все пять пальцев.

(«Патриот родины»)

СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ

— Ты слышал, Ганс, какую сообразительность проявил наш ротный минометчик?

— Именно?

— Мы побежали от русских, а он в русским.

(«За правое дело»)

ЧТО В ОСТАТКЕ

— Господин полковник, получено сообщение, что полк «Железная нога» разгромлен.

— Сформируйте из него батальон.

— Не получится: мало осталось.

— В таком случае сделайте роту.

— И рота не получится.

— Так что же осталось от полка?

— Одно лишь название, господин полковник.

(«На страже родины»)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел., Д-3-33-56, Д-3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦИ ВКП(б) „Правда“.

Рукопись не возвращается.

Москва. Изд. № 613

Полп. к печати 3/VIII 1942 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

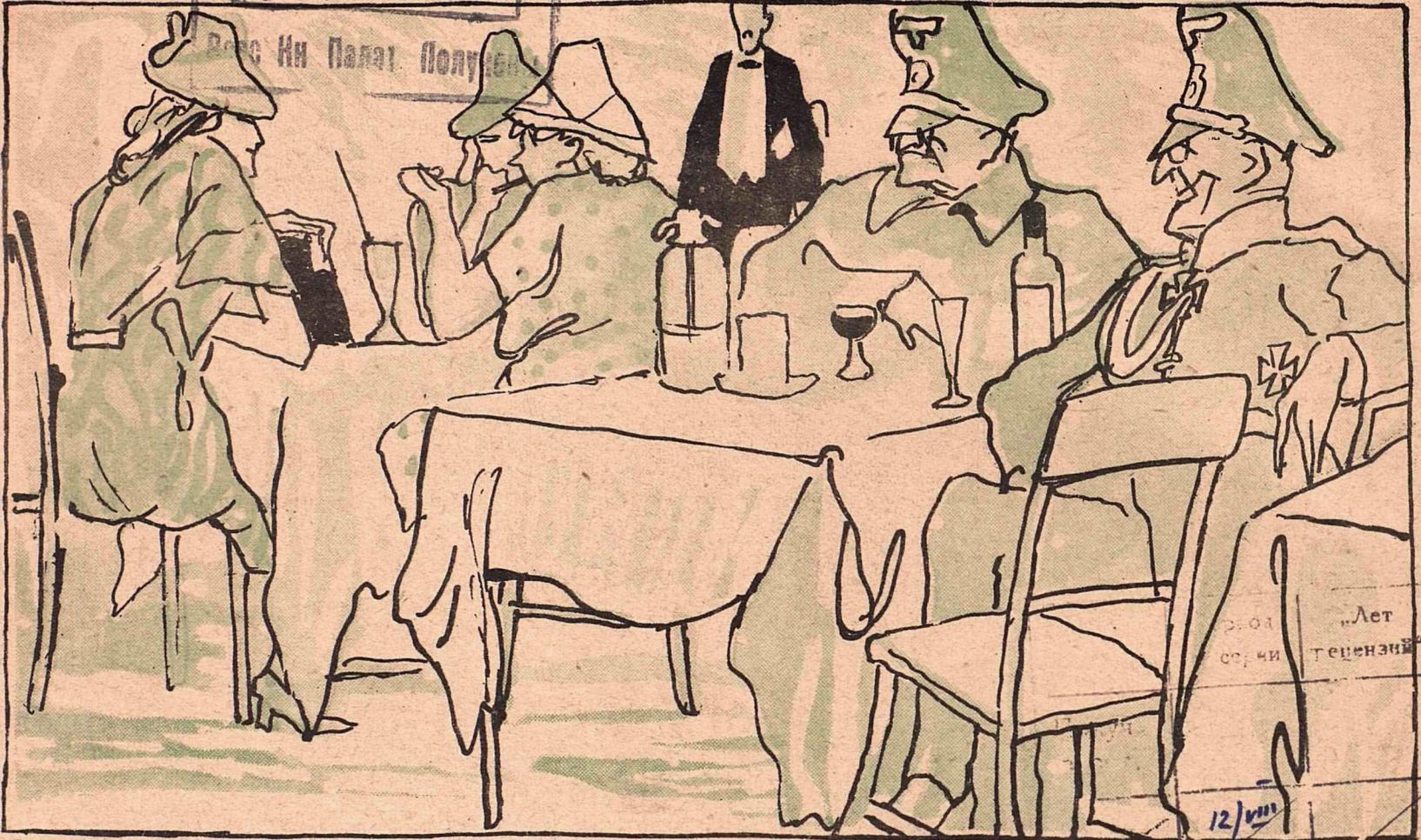
A61443

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 2126

Тираж 200 000 экз.

11 АВГ 1912

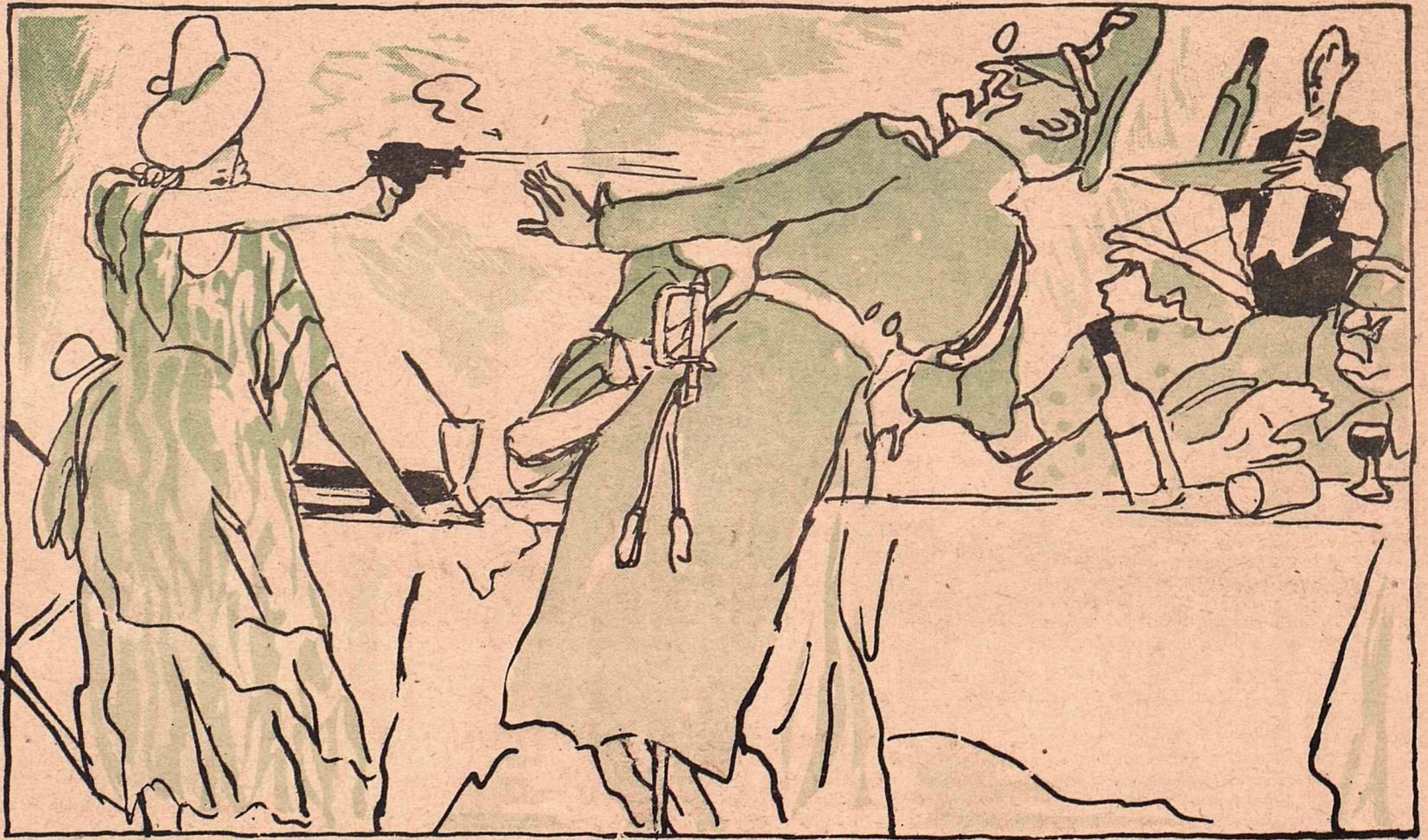

— Посмотрите, господин обер-лейтенант, какая фигурка!.. Ну, настоящая...

12/1111

10/хчч

„Лет...“ „Лет...“

...Парижанка